

Андрей Гаряж

В искушении

странные истории

Андрей Горяж

В искушении. Странные истории

«Издательские решения»

Гаряж А. В.

В искушении. Странные истории / А. В. Гаряж — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-857831-1

11 историй.., захватывающих дух, волнующих душу... Какие из них сказки, какие быль, решай сам, вдумчивый читатель. Эти истории, написанные в 16 лет молодым талантливым писателем, с восторгом прочитанные лишь его друзьями и близкими, наконец-то увидели свет, и теперь могут порадовать всех любителей увлекательного чтения. Здесь вы переживёте приключения и с ангелами, и с демонами, и с вампирами, и со святыми, и...

ISBN 978-5-44-857831-1

© Гаряж А. В.
© Издательские решения

Содержание

Ангел	6
Демон	11
Святой	16
Солнцеликий	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

В искушении Странные истории

Андрей Владимирович Горяж

© Андрей Владимирович Горяж, 2019

ISBN 978-5-4485-7831-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ангел

*Среди слепцов во мгле земной
Уж не появится спаситель;
Отгородились все стеной,
И каждый сам себе учитель.
Живем в невежестве, во лжи,
Тая свой дух в стеклянной банке.
Вдруг легким перышком души
Вознесся к небу светлый ангел...*

Величественные горы царственно возвышались над долиной. Их черные силуэты припорошены сияющими девственной белизной снегами. Разрезая долину кинжальной гладью, бежала внизу быстрая речка. На берегу ее сидели два юных брата-близнеца и ловили рыбу, любуясь неземными красотами родного края.

Весело смеясь, старший брат вытащил из воды крупного сома. Его чешуя, переливаясь в теплых лучах яркого утреннего солнца, сияла всеми цветами радуги.

– Я же говорил тебе: мой будет больше, – радостно заметил старший брат, гордо укладывая пойманную рыбу в ведро.

– Да я просто тренировался, – с огоньком досады в глазах ответил младший. – Вот увидишь, сейчас я вытащу такого огромного сома, какого ты в жизни никогда не видел.

– Ну не знаю. Он будет огромным, разве что если распухнет от твоей гадкой наживки до размеров кита. На червя надо ловить, а не на эту гадость!

– Юродствуй, юродствуй, скоро все рыбы в речке будут знать, как вкусна моя наживка и на твоих полудохлых червей даже не посмотрят! – парировал младший.

Старший уже открыл было рот, чтобы возразить, но ослепительная вспышка в вышине отвлекла его внимание. Свет был столь ярк, что даже солнце на миг померкло. Юноши зажмурились, и вдруг совсем рядом с неба упала сияющая звезда, беззвучно приземлившись за камышами.

– Что это? – пораженно вымолвил старший брат. – Звезда упала при свете солнца? Раньше такого никогда не бывало...

– Пошли посмотрим, – предложил младший и первым кинулся в камыши.

Продравшись сквозь густые заросли высокого камыша, два юных рыбака увидели ослепительно-прекрасную, но вместе с тем очень печальную картину: на твердых камнях, омываемых стремительными водами чистой реки, лежала прекрасная девушка. Белая пена, взбившаяся от соприкосновения искрящейся воды и крепких камней, выглядела солеными слезами на потемневшей, словно от сумерек, реке.

Сломанные белоснежные крылья за спиной девушки казались грязными, будто ангел упала не с небес, а летела сквозь черные клубы тяжелого дыма. Рубиновые пятна крови, смешавшись с черной пылью, горели отметинами вечного зла, осмелившегося поднять руку на невинного ангела.

Старший брат осторожно подошел поближе и взглянул на лицо девушки. Из-под сомкнутых век стекали алые струйки почти застывшей крови.

– Как она красива! – потрясенно ахнул младший.

– Она же ангел.

– Она жива?

– Она дышит.

– Нужно срочно отнести ее в дом! Здесь она погибнет.

Смастерив носилки из собственных рубашек и двух крепких палок, найденных неподалеку, братья бережно уложили на них ангела. Крыльями вверх, чтобы не повредить их еще больше. Старший брат снял с себя широкий тряпичный пояс и повязал его на глаза ослепленной девушке. Взяв носилки, они медленно побрели к деревне. Младший брат, шедший позади, вперил свой взор в сияющего ангела.

Вокруг несших трагическую ношу братьев раскинулись изумрудные ковры просторных лугов, неподалеку шумел водопад, искрясь радостными каплями утренней свежести. По берегам реки малахитовыми шатрами росли сочно-зеленые деревья. Заря освещала долину неповторимым золотым светом. Янтарные отблески по-утреннему нежного солнца, выглядывающего из-за расступившихся перламутровых облаков, ликующе отражались от лазурных вод.

Ничего этого младший брат не замечал. Все его внимание было обращено на безмолвную трагедию нежного ангела. Неужели и на небесах есть зло?

Когда они проходили по деревянному мосту, люди удивленно глядели им вслед. Но в глазах жителей не было ни жалости, ни сострадания. Взоры прохожих горели страхом и злобой. Никто из них не сказал ни слова, но братья поняли: в деревне не рады появлению ангела, упавшего с небес.

Они, наконец, дошли до своего дома. Среди прочих он не отличался ни изысканной красотой фасада, ни большими размерами. Напротив, их хижина выглядела обветшалой и покинутой: братья почти здесь не жили с тех пор, как умерли их родители. Добрые жители деревни, узнав о горе, открыли для них двери своих собственных домов. Кормили братьев, давали им ночлег, обращались как с родными детьми, окружая теплом и заботой. Тем более странной казалась близнецам их реакция на ангела.

Осторожно положив девушку на жесткую кровать, братья сели рядом, не зная, что делать дальше. Они так и просидели бы до вечера, замороженные горестной картиной умирающего ангела, но небесной красоты девушка очнулась.

– Где я? – спросила она, пытаясь снять с глаз повязку.

– Не нужно, не снимай, – отвел старший брат ее ласковые руки в сторону. – Ты все равно ничего не увидишь.

Он ни за что бы не признался, но в глубине души юноша был даже рад, что их гостя не может рассмотреть убогого убранства бедной хижины. Трудно представить себе место менее подходящее для божественного создания, чем темная комната, в которой они сейчас сидели. По углам прыткие пауки наплели тонкие сети для ловли не менее прытких, но более глупых мух. На полу, столе, стульях возлежал толстый слой пыли толщиной в палец. Клубилась густая пыль и в воздухе, норовя попасть в глаза или в нос. Никакой мебели больше не было. Ни шкафов, ни полок, ни даже ветхой тумбочки: близнецы все свои вещи перенесли к соседям.

– Ты в нашем доме, – ответил младший брат. – Мы нашли тебя израненную на реке и принесли сюда. Как ты попала на землю? Чем мы можем помочь?

– Я была ослеплена, – произнесла девушка. Ее голос сладостно переливался, словно тысячи серебряных струек сливались в единый журчащий ручеек. – Но тогда были слепы не мои глаза, а душа, – она дрожащей дланью потрогала свое лицо. На пальцах остались кроваво-красные пятна. – Моим домом были небесные луга. Райский мир, где не должно быть места ни боли, ни лжи. Земной язык слишком беден, чтобы описать великолепие небес. С легкостью, присущей на земле лишь бабочке, живущей один яркий день, я парила над лазурными просторами. Свобода наполняла меня, даря дурманящий аромат незабвенного счастья. Я верила, что волшебным райским равнинам нет предела. Земной мир был скрыт от взора моего разума, но настал день, когда я повстречала его. Сияющего ангела. С ним я открыла светлые просторы невинности. Он не был беззаботен и счастлив, как другие ангелы, его манила земля. Манила необузданными взрывами абсолютной свободы. Он говорил мне, что людям дарован столь же совершенный мир, как ангельский рай, но Бог одарил людей еще и возможностью

выбора пути. В раю ангела, нарушившего благоденствие счастья, изгоняют в преисподнюю. Лишь искупив свой грех, он получит возможность вернуться вновь. Ангел рассказывал, что многие, вкусив свободу земной жизни, больше не желают покоряться священному Закону рая. Я верила. Мой разум, ослепленный любовью, не видел правды. Опьяненная искрящимся сиянием нового чувства, я отдалась испепеляющему желанию сладостной страсти. Очень скоро я поняла – все это ложь...

Падший ангел. Демон в облике ангела – вот кем оказался избранный моим сердцем. Я не могла видеть его темной силы, пока он сам не открылся мне. Заставив мое ослепленное сердце возносить хвалу божественному счастью взаимной любви, он рассказал мне все.

– Земная жизнь – лишь часть пути из преисподней на небеса, – одарив меня надменной улыбкой превосходства, поведал падший ангел. – Ты жила среди них, но твоя душа заслужила право стать ангельской. Ты забыла землю, проделав долгий путь к великолепию райского счастья. Небесные просторы – награда тем, кто нашел в себе силы отказаться от греха на земле. Погрязнув в прегрешениях, души попадают в жаркую преисподнюю, очистившись от грехов – в райские кущи. Все остальные вновь возвращаются на землю. До поры ангелы не знают ничего о земных страданиях. В этот период они особенно уязвимы для таких, как я, изгнанных из рая, но уже прошедших ад преисподней.

– Почему ты пал, мой ангел? – спросила я, с трудом разомкнув дрожащие губы.

– Я не твой ангел.

Облик обласканного моим сердцем ангела, переменился прямо на моих глазах. Сияние померкло. На смену белоснежным ангельским крыльям пришли угольно-черные крылья демона. Он больше не был прекрасен, его лицо превратилось в уродливую маску, а руки, так ласково обнимавшие меня, воспламенились и зарделись от жара, словно раскаленные угли. Красная кожа коварного демона больно обжигала мои пальцы, когда я к ней прикасалась. Желтые глаза буравили мою душу, выворачивая ее наизнанку. В них горел огонь долгожданной победы.

– Но почему ты возжелал сокрушить ослепленную ангельскую душу?

– Ослепленную? – усмехнулся демон, схватив горящей ладонью мою руку. – Сейчас ты узнаешь, что такое слепота.

Его зловещая улыбка – последнее, что видели мои глаза.

– Ты нарушила Закон. Грехопадение твое не может быть прощено, ты отдалась демону, – громогласно объявил падший ангел. – Ты изгнана из рая.

И тогда он сбросил меня с высоты небес на твердые земные камни, сломав мои расправленные крылья. Оглушительная боль усыпила мой разум, разрубив сердце пламенным клинком истины.

Девушка замолчала. На протяжении всего рассказа она сидела недвижно, подобно каменной статуе. Лишь губы, яркие, словно пышный букет цветущих роз, дрожали, выговаривая каждое слово.

– Чем мы можем помочь тебе? – снова спросил младший брат.

– Участь моя – гореть в пламени ада. Мои глаза ослеплены, но взор разума устремлен прямо в мою душу. Он видит тяжелые нависшие тучи, дождь мокрыми каплями падает на мое лицо, обжигая его солеными слезами сердца. Никаким ветром не разогнать грозowych туч, никакими силами не заставить дождь прекратить идти.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спросил старший. – Тебя ведь обманули!

– Пока я на земле меня не тронут райские силы и не затянут сети ада. Но стоит моей душе освободиться от оков тела, под тяжестью греха она рухнет в преисподнюю.

– Мы укроем тебя здесь! Мы не дадим им забрать твою душу! – воинственно заявил младший брат, вскочив со стула. Осевшая было пыль вновь взметнулась к потолку, превратившись в густые облака.

– Спасибо вам, – тихо промолвила ангел.

К ночи слух об израненном падшем ангеле, укрытом в доме близнецов, облетел всю деревню, хотя братья почти не выходили из дома, ухаживая за несчастной девушкой. В полночь в их дом ворвались разъяренные деревенские жители. В руках у них были горящие факелы, ржавые вилы, тяжелые лопаты. Братья с ужасом увидели, что лица вломившихся искажены гримасой страха и злобы. Из их уст вырывались проклятия, обращенные к ангелу. Сильные руки выволокли близнецов из дома.

– Что вы делаете?!

– Н-е-е-т!!!

– Вы обезумели!! – вопили близнецы, но их крики утонули в гуле ожесточенно толпы.

– Она падший ангел!

– Ей нельзя быть здесь!

– Если она запомнит это дом, и вернется сюда в облике демона, всем нам несдобровать!

– Демоны не знают благодарности!

– Вы не понимаете, ее обманули! – пытались вразумить толпу братья.

– Из рая не изгоняют просто так! – ничего не хотели слышать жители деревни.

Девушка ничего не могла поделать, она не видела нападавших, но слышала их грозные крики. Никто не осмелился убить ангела, но в общей суматохе кто-то поджег своим факелом дом. Ангел не молила о пощаде, а лишь что-то тихо шептала. Только после того как горячее пламя объяло ее сломанные крылья, она пронзительно закричала от невыносимой боли.

Близнецов крепко держали, они не могли ничем помочь ангелу, не могли даже заткнуть себе уши, чтобы не слышать душераздирающий крик отчаяния. Тогда они завопили так громко, как только могли, лишь бы заглушить плач ангела. Горячие слезы, ручьем катившиеся из их глаз, не могли потушить сгорающую в огне хижину.

Братьям казалось, что прошла уже целая вечность. Крыша хижины рухнула, к небу взметнулся сноп погребальных искр. Плач ангела утих. Никаких сомнений не осталось – девушка сгорела заживо.

И тут из полусгоревшей хижины полился ослепляющий свет, ярче любого пламени. Люди с изумлением взирали на то, как сияющая душа ангела вознеслась над крышами их домов и устремилась ввысь.

– Она полетела к небесам! – изумленно воскликнул младший брат.

– Почему? – вылетел в воздух недоуменный вопрос толпы.

Душа ангела не рухнула в преисподнюю. Она легко унеслась на небо, подгоняемая легким ветерком. Но и сама она не могла дать ответ на вопрос толпы.

И вот они – небесные просторы, ласкающие взгляд, успокаивающие разгоряченный пожаром разум. Ступив на мягкий ковер душистых трав, ангел наконец поверила – это не сон. Вокруг не горнило кипящего ада, а яркие райские цветы, одурманивающие неповторимыми ароматами небесного счастья. И тут ангел увидела лицо отца. Не хмурое, не опечаленное, а доброе и светлое.

– Здравствуй, дочь моя, – ласково улыбнулся он.

– Скажи почему? Моя душа легка, я не чувствую тяжести совершенного греха, – взволнованно спросила ангел.

– Успокойся, дочь моя. Ты дома. Закон не трогает безвинных. Ты была обманута. За наивность не изгоняют из рая, как и за любовь. Сердце твое полно сомнений сейчас. Свет, всегда горевший в нем, не должен угаснуть.

– Ответь мне, ты знаешь, за что он был изгнан из рая? Почему пал?

– Он, как и ты, был обманут, но обман ускользнул от нашего взора. Его истерзанную жаром ада душу снедала жажда справедливости. Он не мог обрести покой, потеряв веру во всевидение небесного ока. И тогда он не захотел больше рая. Сделал смыслом своего существо-

вания обман невинных наивных ангелов, только вошедших в небесные врата. Соблазняя их, он утаскивал их души в преисподнюю. Но отправив туда тебя, он не выдержал. Мне ведомо, что подвигло его разум открыть ангелам свой обман. Он не хотел терять тебя.

– Теперь он оправдан? Его душа обретет покой в раю? – с надеждой спросила ангел.

– Нет, – покачал головой отец. – Он оправдан за грех, которого не совершал, но чтобы вернуться на небеса, его душе предстоит пройти долгий путь. Он должен искупить свою вину перед чистыми ангелами, чьи души сейчас в преисподней. Возмездие свершится.

– Я дождусь... Но зачем моя душа забыла землю? Кто скрыл от моего взора земную жизнь?

– Очистившись, твоя душа заслужила ощутить прелесть райского покоя. Каждый ангел, попавший в рай, наслаждается счастливой безмятежностью...

– Но земля утонула в злобе. Я была там, я чувствовала мощь темных сил. Мы нужны людям. Каждая минута безмятежности – это чья-то жизнь.

– Истина звучит в твоих словах, – улыбнулся отец. – Но земля не тонет в злобе. Люди добры, но они потеряли веру. Страх поселил червь ожесточенности в их сердца. Надежда угасает, вера в высшую справедливость все слабее. Заблудшим душам нужен свет путеводной звезды. Заставлять злобой легче, чем убеждать добром, но души всегда тянутся к свету, желают устремиться ввысь. Лишь ангелы могут направить людей, показав им красоту вечной свободы. Что изменилось в тебе, после того, как люди, страшась зла, сожгли добро?

– Я чувствую, что стала двуликой. Одно мое лицо обращено к Богу, а другое – к миру. Раньше я никогда не ощущала этого.

– Тебе открылись глубинные красоты чистоты, дочь моя. Ангелы беззаботно летают по раю, не зная землю, пока не осознают, что они созданы для чего-то большего. Что их жизнь может дарить радость счастливой чистоты не только им самим, но и кому-то еще. Тогда ангелы приходят ко мне и говорят, что пытаются дотянуться до чего-то неосязаемого. Я показываю им землю. Я понимаю: ангел готов стать ангелом-хранителем. Ты готова. Ты услышала зов вечности. Ласкай неисчезающий дождь в твоей душе, дай волю слезам белоснежного горя. Ты обрешь счастье. Светлые просторы невинности вновь ворвутся в твое сердце. Ищи прекрасное, найди свой берег, постарайся спасти, выбранную тобой душу, останови кровь. Внутри тебя целые океаны, способные потушить яростный пожар злобы в любой душе. Выбери человека, чью жизнь ты будешь озарять светом искренней благодати.

– А могу я выбрать двух мальчиков?

– Двоих? Очень трудно даже одного человека уберечь от греха.

– Я смогу, – уверенно и твердо сказала ангел.

– Я верю тебе, дочь моя. И помни: я всегда буду любить тебя. Буду любить всех вас.

Демон

Тяжелые тучи нависли над городом, проглотив и полную яркую в эту ночь луну и рассыпанные по небу блески загадочно-далеких звезд. Не предвещающая ничего хорошего тьма окутала город, скрыв его от небесных глаз покровом тайны. Слепящая змейка разрезала небо пополам и тут же исчезла – молния, тяжелые капли забарабанили по обветшалым кровлям домов, по мощеным булыжником мостовым. Они проникали в самые темные переулки и слепо падали на землю подобно черным кляксам. Ни единой искорки не отражалось в этих каплях – весь свет поглотили тучи. Холодный дождь окропил гладко вымощенную площадь, не пощадил статую великого вояки, а может быть, искусного художника – это нам неизвестно. Но нам известно другое: именно в такие темные ночи свершаются самые страшные события. Лишенное зрения небо не имеет власти вмешаться, а тьма, прозревая, не желает терять более времени.

Небо затряслось, из-за ночных туч разнесся по всему городу треск, и слышен он был в самом глубоком подземелье. И вновь кривые змеи ранами света полыхнули меж туч. Дождь усиливался, превращался в ливень. Капли уже нещадно, без передышки, атаковали памятник, будто желали смыть его с лица земли навек. Но памятник был тверд и не поддавался порывам дождя. Тут от него отделилась едва различимая тень, она поползла по площади, покинула ее и скрылась в неизвестном направлении.

А в это время после очередного громового раската вздрогнула и проснулась в своей комнате маленькая девочка. Испугавшись грозы, она натянула свое одеяльце до подбородка. Девочка глянула в окно, и в глазах ее отразилась бесконечная черная туча. Неожиданный всполох, на миг заливший комнату ослепительным светом, заставил девочку вздрогнуть вновь.

Девочка зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела страшное чудовище у дальней стены. Похожее на дракона существо нависло над постелью маленького ребенка, желая схватить его своими когтистыми лапами. Когда девочка решила снова открыть глаза, она увидела, что никакого чудовища нет, и никогда не было, а у стены мирно стоит дубовый сундук с наваленной на него одеждой и игрушками. Бесформенный силуэт этой кучи разыгравшееся от испуга воображение девчушки и превратило в дракона.

Вдруг прямо посреди комнаты оказалась огромная собака, издав пронзительный вой, она словно повернула свою оскалившуюся морду к испуганному ребенку. И вновь девочка закрыла глаза, отчего-то полагая, что так собака ее не увидит. Затем резко открыла глаза – и еще раз разрушились миражи. Посреди комнаты расположился низенький стол с толстыми резными ножками, на нем поместилась тарелка с фруктами, которую девочка так и не убрала вчера, как ни просила ее мама. Эта тарелка походила в темноте на собачью голову, а пронзительный вой – проделки свистящего за окном ветра. То исчезая, то усиливаясь снова, он жестоко разбивал холодные капли о землю, о стены домов, об узловатые ветви деревьев и твердые булыжники на мостовых.

Сердце девочки от страха билось часто-часто. Переборов себя, она ступила босыми ножками на холодный пол, и резко вскочив, в страхе замерла. Ничего не произошло. Из темного угла не выпрыгнул страшный зверь и не откусил ей голову, земля не разверзлась и не поглотила ее. Тогда девочка, шагая очень осторожно и по возможности тихо, вышла из комнаты. От каждого неожиданного звука или шороха она вздрагивала, замирала, а затем под бешеный стук сердца продолжала свой нелегкий путь в родительскую спальню.

Несколько метров от своей кровати до комнаты родителей казались бесконечными, пугающими, совсем незнакомыми. Но она нашла в себе силы пройти их все, шаг за шагом. Раскрыла дверь в и во весь дух припустила к спасительной кровати. Запрыгнув туда, она прошептала на ухо маме:

– Мне страшно...

– Ничего милая, страшиться нечего, это всего лишь гроза. Я рядом. Ложись. Девочка забралась под одеяло и прижалась к матери.

А черная тень преодолела тем временем расстояние в сто раз большее, чем было от кровати девочки до комнаты ее родителей. Лишь эта тень знала, что гроза сегодня разыгралась не просто так.

Тень бесшумно поднялась по лестнице и приблизилась к уже знакомому нам дому девочки и ее родителей. Там тень неожиданно быстро начала расти и спустя несколько мгновений превратилась в высокую человеческую фигуру. Пол определить было невозможно: тело скрывал серый балахон, волочащийся по полу, а лицо бесформенный капюшон. И только два ярких глаза блестели неестественным, неживым желтым блеском.

Неопределенного пола существо не стало стучать в дверь, оно лишь слегка взмахнуло кистью руки, и дверь распахнулась сама собой. Совершенно беззвучно. Не щелкнул замок, не заскрипели давно не смазываемые петли.

Воплотившая в человека тень зашла в комнату. Балахон был абсолютно сух, ожидаемых мокрых следов не оставалось на полу. Тень, будто продолжая оставаться бестелесной, бесшумно подошла к двери родительской комнаты. Она уже знала, что в своей комнате девочки нет, хотя и не заглянула туда. Тени нужна была именно девочка.

Ни скрип половиц, ни гулкий звук шагов привлек внимания людей, ведь ничего этого попросту не было, но девочка, как будто предчувствуя беду, села на кровати. Когда вырвавшийся из тяжких туч мгновенный свет проник в комнату, девочка отчетливо различила темный силуэт в балахоне и истошно завизжала. Ее крик утонул в грохоте затрясшихся небес. Родители мигом вскочили, зажгли лампы, но тень не исчезла.

Отец девочки, вытащив из-под кровати старый заржавевший топор неистово заверещал хриплым после сна голосом что-то бессвязное, но взяв себя в руки, как можно более уверенно спросил:

– Кто вы? Как здесь оказались? Уходите! – голос его прозвучал глухо, а последнее слово и вовсе вышло неприлично жалким.

– Гоните меня? – вдруг прокатился по комнате высокий женский голос. – А ведь не так давно вы были рады меня видеть.

Всем находящимся в комнате стало понятно: существо в балахоне – женщина, а двое из троих даже узнали ее голос, хотя надеялись никогда больше его не услышать.

– Что вам нужно? – сипло спросил отец, опуская топор. Он уже понял – оружие здесь не поможет.

– Я пришла забрать ваш долг, – сверкнула желтыми глазами женщина. Мимолетным движением руки она опустила капюшон. Приходится признать, ночная гостья была довольно красива, несмотря даже на красную кожу и горящие желтые глаза. Но было в этой красоте и что-то пугающе неправильное, неестественное. И дело тут отнюдь не в двух острых рожках, торчащих из-под черных как смоль длинных волос.

Гроза между тем все усиливалась. Капли, договорившись с ветром, словно нашептывали: «время вернуть долг, время вернуть долг...». Молнии склеились и осветили комнату таким ярким светом, что людям пришлось зажмуриться, гром прогремел так сильно, что затряслась и задрожала земля.

Невеселые огоньки в глазах ночной гостьи разгорались все сильнее, похожая на волчий оскал улыбка будто бы смеялась над страхом, поселившемся в сердцах людей в этот миг. Страхом неизбежности.

– Мы заключили сделку. Пришло время платить, – безапелляционно заявила неожиданная гостья.

Девочка покосилась на большое настенное зеркало и увидела, что в нем не отражается ни незнакомая женщина, ни ее балахон. Не то пискнув, не то вскрикнув, девочка зарылась под одеяло.

– Что вам нужно? – со страхом спросила ее мать.

– Дитя, – прозвучал легкий непринужденный ответ.

– Ни за что! – отрезал отец. – Берите всё, что хотите, убейте меня, если вам надо, но не трогайте девочку!

Кривая улыбка исказила лицо женщины, отчего оно сделалось еще более красивым и пугающим. Мановением руки пододвинув тяжелый стул, неожиданная гостья села на него, и закинув ногу на ногу, отчужденно произнесла:

– Я возьму, что хочу. Я заберу дитя.

– Нет, пожалуйста, – мать упала на колени с мольбами на губах пощадить дочь, но получила в ответ лишь презрительный взгляд беспощадных желтых глаз.

– Я не веду торгов, – жестоко произнесла незваная гостья. – И *он* не намерен торговаться.

– Убейте лучше нас! – плача, заявила мать девочки.

– Что стоят ваши жизни по сравнению с душой ангела, – обнажила белые зубы женщина. – Вы заключили сделку с дьяволом, я не ошибаюсь? Неужели теперь надеетесь расплатиться тем, что совершенно не нужно моему господину?

– Мы совершили ошибку...

– Ах, вот как теперь это называется! Я демон, а не торговка! – разозлилась гостья. Она резко поднялась, и тяжелый стул с глухим стуком упал на пол. – Вы ведь были согласны на любую плату, так? Сейчас вы вместе, разве это не моя заслуга? Разве не я спасла вашу любовь или это тоже ошибка? – глаза ее уже полыхали пожаром и метали молнии ничуть не слабее затянутого серыми тучами небосвода.

– Мы очень благодарны вам... но ведь она наша единственная дочь!

– Она не просто ваша дочь. Она – дитя, рожденное в любви. Она имеет не запятнанную грехом душу ангела, и душа ее ценна для нас. Как ваша любовь была ценна для вас. Забрать душу ангела невозможно, если только не заключена сделка. Выполните мои условия, иначе вы узрете мой гнев, – жестко завил демонница.

Балахон на ней вдруг запылал и в мгновение ока обратился в пепел, опавший на ковер. Теперь демонница стояла абсолютно нагая посреди комнаты, и красота ее могла свести с ума любого мужчину. Нисколько не стесняясь своей наготы, демонница подошла к отцу девочки, и сильно обняв его, страстно поцеловала в губы. Тот сразу же весь обмяк и обессилено опустился на кровать.

– Я согласен, – не своим голосом выдохнул он.

Осмысленность исчезла из его глаз, лицо обрело безмятежное, почти счастливое выражение, руки его опустились, и топор со стуком упал на пол. Демонница скинула одеяло с кровати, обнаружив под ним дрожащую от страха девочку.

– Не надо, – пролепетала девочка.

– Не позволю! – вскричала ее мать и кинулась на демонницу, но не сумела сделать ни шагу. Она вдруг резко поднялась в воздух и стремительно вылетела в окно, разбив стекло вдребезги. Ее крик прервался глухим ударом и стих. Под окном в неестественной позе распласталось бездыханное тело.

В разбитое окно ворвался липкий холодный ветер и мокрые капли злосчастного дождя. Ветер развеял пепел, оставшийся от сгоревшего балахона. Сначала он закружился в комнате, а затем весь вылетел в окно. Гроза стала ощущаться еще сильнее, гром врзался в уши маленькой девочке.

Демонница взяла девочку за горло и притянула к себе. Та от ужаса не могла кричать, горло сдавила сильная рука, и изо рта девочки вырвался лишь короткий хрип.

– Не бойся, я всего лишь заберу твою душу, – ласково пропела дьяволица и поцеловала девочку в губы, не ослабляя железной хватки на горле.

Прошло несколько мгновений, девочка обессилена обмякла. Демоница уложила ее на кровать и накрыла одеялом. Больше уже ребенок не проснется никогда.

Холодный ветер пропел свою последнюю песню по утраченной душе, последняя молния сверкнула в небе, последний раскат грома пронесся над городом, затерявшемся во тьме...

И тут мужчина проснулся. Лежа на кровати, он вдруг улыбнулся.

«Всего лишь сон», – сладостно подумал он, не открывая глаз.

Гроза давно стихла. Сквозь закрытые веки мужчина понял, что уже светло. В комнате было прохладно, видно, открылось окно. Мужчина потянул на себя одеяло и почувствовал рядом маленькое тело. Холодное тело.

Он вскочил, будто ошпаренный кипятком, и скинул одеяло на пол. На кровати лежала его мертвая дочь, окно было разбито, и из него в комнату врывался свежий послегрозовый воздух. Не помня себя, мужчина подлетел к окну и выглянул вниз. Он увидел тело своей жены, вокруг которого уже собралась приличная толпа.

Истукпенно заревев, как режут смертельно раненые звери, мужчина упал на колени: никакого сна не было, ночной кошмар – правда.

Что было дальше, он запомнил плохо. Какие-то люди пришли к нему в квартиру и отвели в камеру. Допросы, бесконечные незнакомые лица стерлись из памяти мужчины.

Следствие сразу отмело возможность сделки с дьяволом, и поступило очень разумно. Подумайте сами: какие с дьяволом могут быть сделки? Совершенно правильно также посчитало следствие, что мужчина от нервных переживаний сошел с ума, и несет всякий бред.

К тому же и картина преступления представлялась следователям достаточно ясно: из-за нервного расстройства мужчина проснулся ночью и задушил свою дочь. Жена проснулась, и увидев это, пришла в ужас. Тогда мужчина выбросил ее из окна, и находясь все еще вне себя, лег спать. Все очень понятно и просто.

Откуда у вполне здорового мужчины, примерного семьянина, взялось нервное расстройство, побудившее его задушить дочь, выяснить не стали. Да и действительно, ни к чему оно: следов взлома нет, квартира закрыта изнутри, соседи слышали плач жены, чего уж тут неясного?

Но в тюрьму мужчина не отправился, благодаря единственной своей фразе, произнесенной – справедливости ради стоит сказать – не менее тысячи раз. И на допросах и в камере он постоянно твердил: «она убила их», и больше решительно ничего произносить не желал. Справедливо посчитав мужчину душевнобольным, его отправили в определенное учреждение, где, несомненно, должны помочь.

На одном из заседаний среди присяжных заседателей мужчина вдруг увидел знакомое лицо: отливающие желтизной глаза, невероятная мистическая красота... Только рожек нет, да и кожа, спешу заметить, не красная, а нормальная, как у любого человека. Не задумываясь, мужчина бросился на демона, но был немедленно остановлен и под презрительную усмешку желтых глаз постыдно выдворен из зала. После этого уж окончательно стало ясно, что он сумасшедший. Ну кому еще может прийти в голову поднять руку на такую красавицу?

А меж тем на другой город, не такой и далекий от того, в котором развернулись вышеописанные и совершенно правдивые события, пала ночь. Тяжелые тучи затмили небосклон, и черная тень неслышно прокрадывалась по заливаемым дождем широким улицам...

Мгновенным росчерком пера

Легло согласие кроваво.

И кончилась судьбы игра,

*Святая растворилась слава.
И бьется сердце малыша,
Пока раскаянье уснуло.
Расплата – чистая душа. —
Улыбка дьявола мелькнула...*

СВЯТОЙ

Ничто не нарушало хрустальной тишины, нависшей над горами в эти холодные месяцы. Здесь природа сохранила свой первозданный вид, не изуродованный жадной человеческой рукой.

Девственный снег торжественно отражал искрящиеся лучи далекого солнца, ослепляя великолепием чистоты. Снег был всюду – укрывал от морозного воздуха землю теплым покрывалом, лежал на ветках высоких вечнозеленых елок, макушками устремляющихся в бесконечную синь небес, притаился на крыше уединенного монастыря, скрывая его от любопытных глаз вездесущих птиц.

Древний монастырь – единственное напоминание о человеке в этих глухих землях. Поместившись на пологом склоне упирающейся в небосвод горы, он казался уродливым пятном меж белых снегов. Монастырь окружали высокие стены, надежно защищающие все его тайны.

Ни одна живая душа не нарушала уединенный покой монахов за этими стенами, но тем не менее в самом монастыре далеко не все было спокойно. Поглубже укутавшись в серые длинные сутаны, монахи суетливо сновали взад-вперед, подобно трудолюбивым муравьям. То взбегающая по широкой лестнице, то торопливо спускаясь вниз, то показываясь, то исчезая в светлых окнах, они что-то громко кричали друг другу. И лишь серые острые башни безмолвно взирали с надменным спокойствием на суетившихся внизу людей.

В одной из четырех таких башен стоял высокий человек. Лицо его было хмурым, глаза смотрели в окно на беспокойную деятельность монахов с легким прищуром. На лице святого играла недобрая усмешка.

Сейчас этот человек, с обезображенным шрамом лицом, должен был сосредоточенно помолиться. Но ему это не удавалось. Мешали снующие внизу монахи.

Он вытащил нож с широким острым лезвием, взглянул на черную рукоять, а затем взмахнул им пару раз, со свистом рассекая воздух. Видимо, удовлетворившись результатом, святой кивнул сам себе, чуть-чуть улыбнувшись. В глазах его загорелся недобрый огонь, а нож был немедленно спрятан под одежды.

Святой ждал сегодняшнего дня много лет, считал часы, кивал этим надменным невеждам, как бы соглашаясь с невообразимой ересью, лившейся из их уст. И он убивал их, убивал по одному, сохраняя в своем сердце святое имя Господа.

Очевидно, Бог любил этого человека. Сколько раз он оказывался на краю пропасти, но всегда выходил из воды сухим. Святой был уверен, что Бог отводит от него угрозу. Никто монастыре не знал, что убийства – дело рук этого высокого человека. Его считали благочестивым монахом, ничем не запятнавшим своей репутации за долгие годы жизни в монастыре.

Все это время человек яростно служил Богу верой и правдой. Отказавшись от хлеба насущного, презрев пошлость мирскую, святой желал лишь одного – узреть врата Рая. Ради этого он примирялся с любыми лишениями, ради этого он проливал кровь неверных.

Бог помог ему еще в самом начале жизни, наставил на путь истинный, ниспослав мудрого учителя. Брошенного младенца подобрал добрый человек, он вырастил, воспитал его. И он рассказал святому, как труден путь к благословию небес.

– Лишь сохраняя любовь к Богу в своем сердце, после жизни ты будешь вознагражден, – говорил учитель. – Твоя святая цель – истреблять неверных, променявших Его имя на порок и заблуждения. Ты станешь истинно святым.

И мальчик поверил тогда своему учителю. Он вырос, окреп и ни на миг не забывал о всевидящем божественном оке. Он наказывал тех, кто заслуживал наказания, неустанно молился, а потом учитель повелел ему уйти в монастырь, укрытый в горах. И святой поднялся, он не мог отслушаться человека, раскрывшего ему истину.

– Все в этом монастыре сгнило изнутри. Многие монахи одним лишь своим существованием оскверняют имя Бога. Ты умен, ты сразу поймешь, о ком я веду речь, – сказал на прощание учитель.

Святой действительно все понял. Монахи стали ему отвратительны. Служение Господу они видели только в бесконечных просьбах, ничего они не способны были совершить ради Него. Прикрываясь именем Бога, многие жирели и богатели, забывая об истинном своем предназначении. Все их молитвы – плачь, жалобы на тягостную долю заблудших людей. Эти люди даже не знали, что есть Бог. Их Бог был совсем не таким, каким рисовал его учитель. Но своими проповедями неверные могли заставить заплутать слабых, не познавших истины. Этим они были особенно опасны.

По всему миру бушевал страшный пожар священной войны, но святой знал: его место именно здесь. В этой цитадели непонимания, в обители заблуждения. Тем более сейчас, тем более сегодня. Одним ударом он спасет тысячи душ. И освободится сам. Его душа обязательно обретет покой в Раю.

За окном холодный ветер укутал небосклон серыми тучами. Замерев на мгновение над монастырем, они решили осчастливить людей, осыпав их белоснежными искрами. Обжигающие снежинки с грациозной легкостью падали на землю, сливаясь с миллионами себе подобных. Чтобы продолжить жить дальше, дружным снежинкам нужно дождаться весны. Тогда побегут звонкие ручьи, переливаясь радостными бликами пробуждения, тогда проснутся горы и зазеленятся леса во всю свою изумрудную силу, тогда оживут яркие бабочки, распустятся сочными красками бутоны цветов, впитывая своими корнями эти же самые, но уже растаявшие снежинки.

Мысли о весне не тревожили человека в башне. Сейчас он видел зиму, и знал, что к тому моменту, когда на земле наступит весна, он уже будет созерцать вечнозеленые просторы райских кущ. Человек со шрамом на лице был умен, он понимал, что суета внизу – следствие его бессонной ночи, хоть ни единого крика не долетало до башни. Сегодня ночью трагически погиб настоятель монастыря. Выпал из окна. Не на мягкий снег, а на острые колья, вкопанные в землю давным-давно для позабытых уже монахами целей.

Конечно, первым делом колья сразу же убрали, вырвав их из замерзшей земли, но настоятеля эти экстренные меры воскресить уже не могли. Алая кровь на снегу, напоминавшая о ночной трагедии, была видна даже из башни.

Монахи справедливо посчитали, что настоятель не сам выпрыгнул из окна. Версия убийства пользовалась в монастыре наибольшей популярностью. Но никому не пришло в голову искать убийцу в высокой башне с устремившимся в небо острым шпилем на крыше. Продвижение расследования застопорилось.

Святой скривился в надменной усмешке, скрестив руки за спиной. Он выглядел сейчас так, как всегда выглядит человек, ведающий неизвестное остальным. Он имел полное право так выглядеть. Ведь именно человек со шрамом единственный знал имя убийцы. И еще он знал, что монахам будет преподнесен сегодня новый сюрприз.

Все имеет свое завершение, и этот день, растянувшийся, как казалось святому, на целую неделю, подходил к концу. Солнце, выглянувшее под вечер из-за снежных туч, заалело над дальней горой, окрасив снега в рубиновый цвет. Небесное светило будто знало, что кровь сегодня еще окропит чистый снег, и посылало тревожное предупреждение неспособным заглянуть в будущее монахам. Монахи не вняли предостережению: они не понимали тайный смысл знаков безмолвного солнца.

Святой обратил свой взор к небу, еще сильнее прищурившись, уставился он на далекое красное солнце.

– Значит, я снова получаю сегодня благословение небес, – довольно произнес он, опуская взгляд на заалевшие снега. Он по-своему истолковал солнечный знак и с чистым сердцем начал долгий спуск с башни. Уже очень скоро он отдаст свою жизнь. Во имя Господа.

Но не он один. Все думы святого, обратившиеся в единую молитву, были обращены к одному человеку. Сегодня этот человек должен прибыть в монастырь. Когда святой достиг самых нижних ступеней бесконечной башенной лестницы, ворота монастыря распахнулись. В красном атласном плаще с белым подбоем и в короне, с рассыпанными по ней бриллиантами, въезжал во двор монастыря долгожданный гость. Пышность приема и надменность важного гостя исказили лицо святого гримасой презрения.

«Этот человек не может утверждать, что служит Богу, – с отвращением подумал святой. – Он служит лишь себе, обирая тех, кому воистину нужна помощь. Не отказывает себе ни в дорогих одеждах, ни в изысканной еде, ни в заморских винах. Учитель прав, этот человек достоин смерти. Нельзя купаться в золоте, прикрываясь Его именем. Роскошь губит душу».

Святой уже стоял около ворот, левой рукой он сжимал теплую рукоять ножа, держа его под сутаной. Монахи выстроились перед воротами в две колонны. Когда важный гость величаво проходил мимо них, каждый склонял голову в знак уважения. Святой не склонил головы. Он резко дернулся, вышел из колонны, приблизился к гостю вплотную и вонзил острый нож ему в сердце. Окровавленный клинок упал на белый снег. Багровое пятно, все увеличиваясь, образовывалось вокруг раны на и без того красном плаще.

Охранники важного гостя напали на слепого, но было уже слишком поздно. Они никак не могли ожидать предательства монаха. Святой упал на снег с блаженной улыбкой на устах, и вновь обеленная земля окрасилась багрянцем.

– Я увижу Бога, – счастливо промолвил святой, и глаза его закрылись.

Но Бог отчего-то не пожелал предстать перед святым, зато монах увидел ангела. Но Врата Небесные были закрыты.

Святой встал перед ангелом на колени, опустив голову, но ангел, нахмурившись, велел ему подняться. Святой мгновенно исполнил молчаливое повеление.

– Дайте мне силу узреть истину, – промолвил он почтительно.

– Нет сомнений, истина важна для тебя. Но она откроется лишь тому, кто не изгнал сомнений из сердца своего.

Святой удивился. Сомнения – грех, вера – вот спасение.

– Я не понимаю...

– Небесные Врата закрыты, – объявил ангел и печальным взором поглядел в глаза святому.

– Закрыты для меня!? – ураган в голове мигом смел все мысли.

– Ты проливал кровь.

– Но ведь я... – святой не нашелся сразу, что ответить на лишнее заявление ангела. – Да, я проливал кровь, – немного успокоившись, кивнул он. – Это была кровь во спасение. Во имя всемогущего Создателя!

– Кровь не может быть во спасение, если это кровь невинных. Ему не нужна кровь, – грустно ответил ангел. – Не связывай кровопролитие с Его именем. Он никогда не просит крови.

– Но как же тогда... – святой в отчаянии схватился за голову. – Не может быть! Я всю жизнь прожил, храня в сердце любовь к Богу, я убивал ради Него, я верил! Неужели Райские Врата закрыты? Я всю жизнь молился, желал попасть на Небеса, искал истину... разве это грех?

– Искать истину не грех, – покачал головой ангел. – Грех уверовать в истину, не обретая ее. Покажи мне, где тот Бог, что заставил людей лить кровь?

– Я не видел Бога...

«Истина в Боге. А Бог с нами», – застучали в висках слова учителя.

– Так отчего же ты уверовал в то, что Богу нужны твои убийства?

– Мой учитель... я верил ему... – залепетал монах, – святая цель завладела мной...

– Это не святая цель. Это твоя цель. Эгоизм ослепил тебя, жажда Рая затмила твой разум.

Ради своей цели ты не пожалел отобрать жизни у тех, кому они были дарованы Богом, чьи помыслы были чисты. В ослеплении ты не видел жестокости чудовища, в которое превратился.

Тут осознание, словно тяжелый молот, обрушилось на святого. Священной войны не существует. Люди, оправдывая свое тщеславие, жажду власти придумали ее.

– Ты действительно думал, что Врата Небес закрыты для тех, кто не может жить так, как ты? Неужели Небеса могут быть так жестоки? – продолжал ангел. – Кровь не оправдывает боль, рождаемую человечеством на протяжении столетий.

Святой упал на колени, он горько заплакал. Впервые с тех пор, когда был ребенком. В исступлении святой принялся целовать руки ангела.

– Что на самом деле является святым? – вопрошал он. – Смогу ли я спасти свою душу? Моя слепота закрыла для меня Врата Рая. Навсегда?

Ангел молчал.

– Дайте мне возможность лицом к лицу встретиться со своими ошибками. Я справлюсь. Я все исправлю теперь. Когда я все понял...

Боль разрывала сердце. Вся жизнь его – всего лишь нелепая ошибка.

– Небеса милосердны, – промолвил ангел. – Правда может освободить тебя. Встань.

Святой поднялся. Светлое лицо ангела вдруг потеряло четкие очертания, все закружилось в мутном вихре, вспыхнуло, а затем исчезло.

Святой открыл глаза. Сердце его болело, но он был жив. Он повернул голову и увидел двух монахов.

– Братя, – заплакал святой, – простите меня, я был слеп...

Не болью вызваны его слезы. Они полились прямо из души. Глупая судьба, ненужная никому нелепая жизнь, ошибочные убеждения и ложь в каждом слове тех, кому он верил. Люди отдавали свои жизни, убивая других, объявляя священную, но совершенно бессмысленную войну неверным. Войну ненужную Богу, как и любая другая.

«Слепцы», – горько думал святой.

Монахи простили святого. Посчитали, что разум его помутился, когда он убивал гостя, что бес вселился в него. Другие смерти и убийства в монастыре не были связаны с его именем.

«Я всю жизнь старался прожить, не впадая в грех, и всю жизнь грешил. Всю жизнь избегал искушений, и всю жизнь жил в искушении...»

Продолжать жить дальше, осознав свои непоправимые ошибки – тяжелое испытание. Но святой был готов. Он понял, что смысл жизни не в жажде собственного рая. Теперь смыслом жизни святого стало искупление грехов, очищение души, служение другим. Святой не знал, вправду ли он видел ангела, или небо ему пригрезилось. Но он верил ангелу.

Впервые святой почувствовал себя по-настоящему счастливым. Не в кровавой погоне за красотами Рая он обрел себя. Святой возносил молитвы благодарности Богу каждый день. Он ничего не просил, не просил даже простить ему грехи. Он знал: Бог простит, когда настанет долгожданный миг искупления. Но для этого не нужно просить, нужно делать.

Святой пытался донести свои знания другим, указать дорогу заблудившимся. Так прошло десять лет. Святой давно покинул монастырь, он разносил Божье слово по всей земле. Но свершилась встреча, которая не могла не свершиться.

Святой вел проповедь на главной площади большого города, он заметил среди паствы до боли знакомое лицо. Злые глаза буравили святого, стремительно приближаясь к нему. Святой не побежал, не прекратил проповедь. И не достал нож. Его знакомец быстро поднялся по лестнице, подошел к святому. Черные глаза горели отвращением и презрением. Святой

ответил добрым взглядом. Многочисленные шрамы сделали лицо невысокого человека похожим на безликую маску, грубо высеченную из камня. Шрам святого практически исчез с лица, прогоняемый ясной улыбкой.

– Ты подвел меня, – давясь ядом, сказал учитель. Блеснуло лезвие кинжала. Святой со счастливой улыбкой безмятежности опустил на землю.

– Врата Рая не откроются тебе, – спокойно сказал он учителю.

– Что!? – взревел учитель, разъярившись еще больше. Гнев захлестнул его, заставив ударить еще раз, из горла его бывшего ученика брызнула кровь. Учитель понял, что совершил ошибку. В предсмертно взгляде святого, он увидел знание, неведомое ему.

Небесные Врата закрыты.

*В дали плывущих облаков
Мы ищем каждый день спасенья,
Идем, не ощутив оков
Тяжелой дымки заблужденья.
Чужие судьбы приносятся
Мы в жертву вере, небу, богу,
Не понимаем, что нельзя
Найти в крови свою дорогу.*

Солнцеликий

Высокий мужчина стоял на пороге одинокой хижины. Он всю жизнь ждал этого момента. Его рыжие волосы вихрил прохладный ветерок, рот скривился в диковато полуулыбке предвкушения. Серые глаза горели сумасшедшим огнем. За этой ветхой дверью, изрытой глубокими морщинами старости, – ответы на все вопросы.

Вокруг никого, кто бы мог помешать открыть дверь – лишь темный лес беззлобно гудит. Солнце давно скрылось за верхушками молчаливых исполинов – деревьев. Мириады звезд крошечными точками светят с темного небосвода, тая загадки.

«Скоро я узнаю все, – думал рыжий, с вызовом глядя на звезды. – Ваши загадки станут для меня лишь тленной пылью знания».

Он не собирался ждать утра, хотя и знал – в хижине царствует сон. Долгие годы поисков позади, теперь он не намерен терять ни минуты.

Тусклый свет звезд дорожками стался меж ветвей вековых сосен, мало кто мог бы узнать в этом полусумасшедшем бродяге с пылающими огнем волосами сына короля, бесстрашного воителя, без тени смятения ведшего за собой в атаку кавалерийские полки. Король давно погиб, трон занял старший брат рыжего бродяги, и спустя всего несколько дней младший сын оказался в тюрьме – его очень любил народ, старший брат боялся измены, и потому решил ударить первым. Но младший сын короля бежал. Он долго скитался по стране, боясь показать лицо. Его искали. Он прятался. Ищейки шли по его следу. Он путал следы. Его пытались догнать. Он не останавливался.

И тогда мир явил сыну короля другую свою сторону. Не было больше сверкающих дворцов, пышных обедов, дорогих вин, прекрасных наложниц. Были грязные трущобы, жалкие объедки, тухлая вода и одиночество. Никому не смел открыться сын короля, но его взору, очистившемуся от пелены роскоши, открылось многое. Самое дно мира увидел он собственными глазами.

Его никогда не готовили к престолу, а потому не посвящал в свои дела отец. Будучи веснушчатым весельчаком, младший сын искренне считал себя потомком Бога, всемогущего и справедливого.

Во дворце придавали особое значение рыжим волосам и рассыпавшимся по лицу веснушкам. Солнцеликим нарекли младшего сына короля, уверенные, что Бог отметил его при рождении. Ему было суждено стать жрецом – главой всего духовенства. Жрец имел власть не меньшую, чем сам король. Старший брат прекрасно знал об этом, и захлопнул за ним дверь тюрьмы, обвинив в государственной измене. Как он надеялся навсегда. Но он ошибся. Рыжий бежал, веря, что совсем скоро восторжествует справедливость, и обман брата будет раскрыт. Ведь Бог справедлив к своим детям.

Но и он ошибался. Бог не помог ему, сколько ни было вознесено к небесам молитв о помощи. Всемогущий и справедливый Бог, будто не захотел раскрыть обмана. Он принял сторону брата? Но где же тогда высшая справедливость? Младший брат пытался найти ответ на этот вопрос, добывая себе пропитание на помойках.

Религия учила, что Бог любит всех людей одинаково, но своих прямых потомков – короля и его ближайший родственников – чуть больше. Плоть от плоти, кровь от крови. Бог всегда поможет им, не оставит в беде.

Оставил... Почему? Разум беглеца отказывался найти ответ. Когда он был голоден, Бог не подал ему даже зачерствелой хлебной корки, не превратил грязную воду в вино. Когда он лишился крова, Бог не даровал ему со всем своим милосердием ключей от небесных Врат.

– Где же ты, Отец Небесный? – вопрошал беглец. – Где твоя доброта, где твоя справедливость, где твое могущество?

Полубог не получал ответа. Равнодушная синь небес хранила безмолвие. Грудастые облака медленно плыли на север, не обращая никакого внимания на страдания человека, считавшего себя Божьим сыном..

Этот вопрос лишил бродягу покоя. Беглец осунулся, похудел, его некогда дышащие румянцем щеки побледнели, глаза впали. В них разгорелся сумасшедший огонь, горящий в глазах каждого, жаждущего найти самую главную истину.

«В мире нет справедливости, нет небесной доброты, нет всемогущего Бога?», – эти страхи больно жалили разум королевского отпрыска, будили его по ночам, превратили его жизнь в бред.

Неужели все, чем он жил, чем живут миллионы людей – ложь? Духовенство – вымысел? Они не служат Богу?. Жрецы – обманщики? Если бы был справедливый Бог – не было бы ни богатых, ни бедных, если бы был добрый Бог – не было бы ни убийц, ни насильников, если бы был всемогущий Бог – не было бы ни кровопролития, ни войн. Но все это есть, не видно только Бога.

И пустился тогда сын короля на поиски истины, на поиски Бога. Но сам не сумел ничего разыскать, зато узнал о молодой прорицательнице, одиноко живущей неизвестно где в ветхой хижине.

– Лишь она ответит на твои вопросы, – тихим шепотом всюду твердили солнцеликому. – Но помни: если узнают, что ты к ней ходил – смерть.

– Я пойду! – тряся разросшейся гривой спутанных волос, отвечал сын короля. – Я найду ее.

Долго он искал одинокую хижину, и вот она, среди леса – ветхая и невзрачная. За небольшим чистым оконцем спит совсем юное создание, свернувшись под тонкой простыней. Какие сны снятся ей? Быть может, она разговаривает с Богом? Быть может, бродит по полному загадок миру будущего?

Беглец не знал этого, но он не мог не потревожить ее сладкий сон – слишком велико было искушение узнать правду.

Он дотронулся до деревянной ручки, дверь, скрипнув, отворилась. Нежданный гость остановился в нерешительности. Он опустил взгляд на стол. Освещенная тусклым светом звезд, пробивающимся сквозь стекло, лежала на нем почти догоревшая лучинка. Больше ничего в ночном полумраке гость не разглядел, и негромко прокашлявшись, произнес низким приятным голосом:

– Здесь есть кто-нибудь?

Он услышал шевеление, лучина зажглась сама собой, дверь за королевским отпрыском захлопнулась.

– Кто здесь? – выкрикнул он, попятившись назад и зажмурившись от неожиданно удивившего в глаза света.

– Здесь я, хозяйка, – ответил нежный, почти детский голос. – Кто вы?

Глаза рыжего бродяги привыкли к свету, он все еще шурился, но сумел разглядеть силуэт девичьего тела на кровати. Оно казалось совсем юным, еще не созревшим – нежные тонкие руки, почти детские плечи, маленькая грудь.

Глаза прорицательницы были скрыты под шелковой повязкой – она была слепа. Это показалось беглецу странным, ведь лучина освещала длинные ряды толстых книг, выстроенные на полках у противоположной стены. Мягкий колеблющийся свет отражался от золоченых корешков наполненных древними знаниями фолиантов.

Беглецу хотелось протянуть руку, дотронуться до священных книг, из которых прорицательница черпала мудрость, но он сдержал себя.

– Мое имя... Я сын короля! – неожиданно гордо разнеслось по хижине.

– Ничем не могу помочь, – выдохнула прорицательница, поджав тонкие губы. – Прощайте, сын короля.

– Нет, вы не поняли! – протестующее замахал руками рыжий. – Меня изгнали, я хочу, чтобы обманщика наказали! Я жажду справедливости!

– Я не вершу суд, – покачала головой девушка. – Уходите.

Она махнула маленькой ручкой, призывая ретивого гостя покинуть помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.